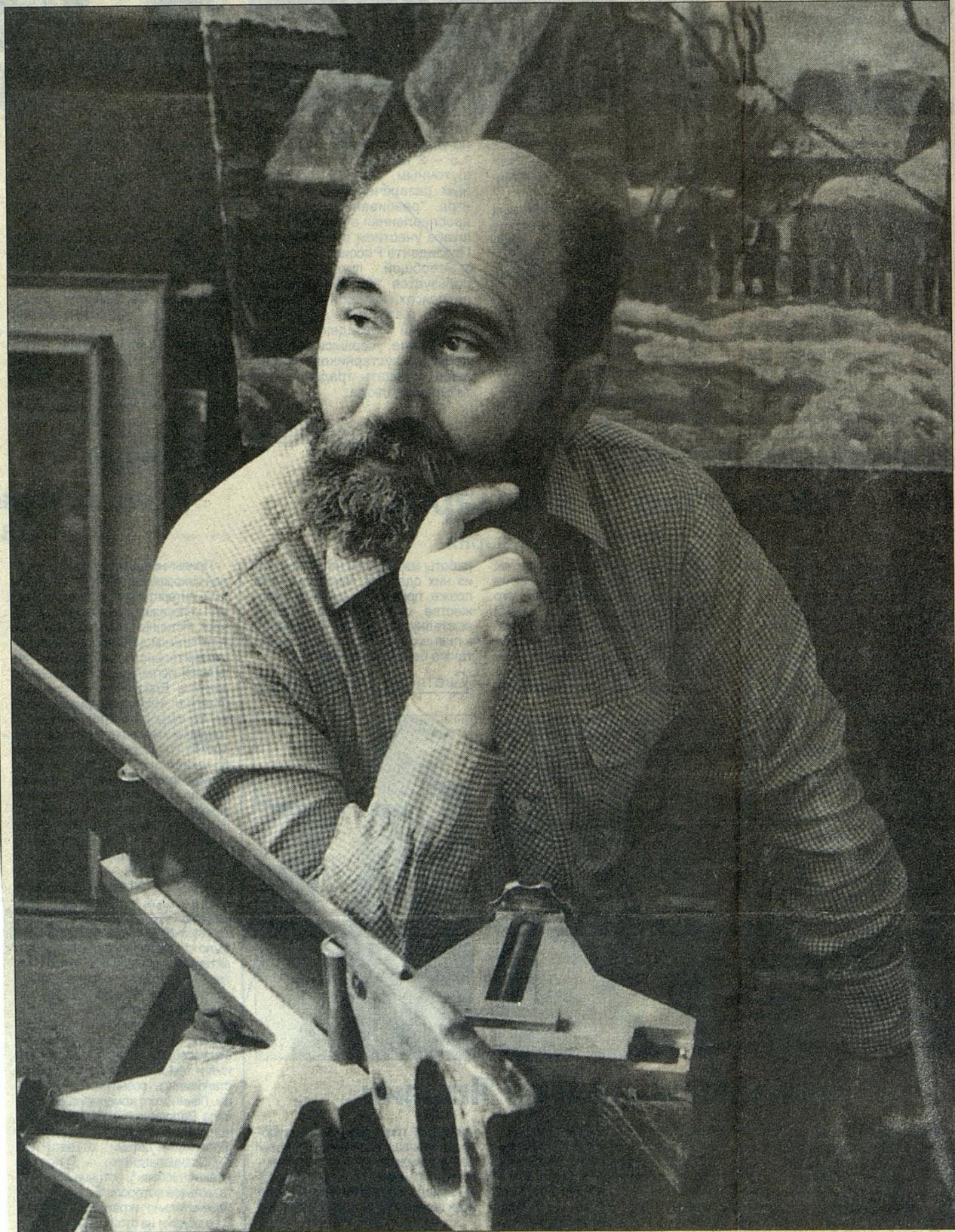

Кудьтура. - 2000. - в - 12 июля. - с. 1, 8

Души изменчивой приметы переносить на полотно

Э. Браговский

Эдуарда Георгиевича БРАГОВСКОГО представлять не надо. Его имя известно каждому, кто интересуется современной живописью, бывает на московских и российских выставках. Он — из поколения легендарных “шестидесятников”, один из тех, кто “перевернул” наше искусство и направил его развитие по совершенно иному, современному пути. Эдуард Браговский в своем творчестве, вероятно, наиболее четко, ясно и темпераментно провозгласил, что живопись — это никакая не идеология, не событийность сюжетов, но прежде всего цвет, тем самым возвращая живопись к изначальным, незамутненным истокам древнерусского искусства. Недавно Эдуарду Георгиевичу Браговскому была присуждена Государственная премия России.

— Поздравляю вас с присуждением вам самой престижной премии России.

— Спасибо. Но получилось так. Пришел я в Кремль на церемонию вручения премии с этюдом — хотел подарить его Владимиру Владимировичу Путину. Что на нем изображено? Снег, бескрайняя заснеженная Россия и одинокая человеческая фигурка. Но меня с холстом не пропустили, стали гонять по разным кабинетам, а потом, вероятно, просто потеряли из виду, и я пошел в Екатерининский зал, где должно было состояться вручение.

— Вы все же вручили этюд Путину?

— Нет же. Сижку жду. Подходят ко мне двое в черных костюмах, говорят, что они из “протокола” и по этому “протоколу” нельзя дарить что-либо Президенту. И забрали мою сижку. Уже после получения премии с бокалом шампанского подхожу к Владимиру Владимировичу и говорю о том, что пришел с этюдом для него, но так нелепо все получилось. Он поблагодарил меня, успокоил. Затем спросил о сюжете моей работы. Я рассказал: “Одинокая фигурка на заснеженной равнине”. Он спросил: “Это со значением?” Отвечаю: “Может быть, если задуматься...”

— По-моему, после вручения Государственной премии вы выступали...

— Да. Сказал, что в своей жизни не написал ни одной конъюнктурной работы, чтобы кому-то понравиться. Поэтому считаю, что премию дали мне именно за живопись. Не только мне, но и всем настоящим живописцам, всем нам.

— Отечественная живопись всегда держалась на цвете. Начиная с Рублева и Дионисия, затем были Александр Иванов, Суриков, Петров-Водкин, Кончаловский, Павел Кузнецов, Лентулов, Фальк...

— И часами говорят только о себе, о том, какие они великие. Хвалятся тем, что на их выставки стоят очереди. Ну и что? А вот на выставки Сезанна или Рембрандта, которые проходили в наших музеях, очереди на было. Выходит, что Глазунов или Шилов лучше их?

— Могу добавить, что совершенно пустуют залы Третьяковской

галереи на Крымском валу, где представлены лучшие произведения самых знаменитых наших художников 10—30 годов.

— Кстати, об этих великих мастерах очень редко говорят по телевизору. Да и сейчас сколько у нас отличных художников, которым не дают высказаться и которым есть что сказать об искусстве. Вспоминаю, что какое-то время назад прекрасный живописец, ныне покойный, Николай Андронов, причем в те годы опальный за то, что подписывал разные недозволенные письма, спокойно, умно и доходчиво рассказывал о Третьяковской галерее, о законных живописи, о том, как надо ее понимать. Но такие, как Андронов, сейчас почему-то по телевизору не выступают.

— Вот вы упомянули о Шилове. Скажите, зачем ему дали целый особняк в центре Москвы под собственный музей? Во Франции я побывал в музее Матисса, который устроила в мастерской художника его семья. Это — хорошо, похвально. Но зачем государству тратиться на создание музеев ныне живущих и далеко не лучших художников? Зачем потакать чьим-то неразборчивым вкусам?

— Но кто определит, хороший это художник или не очень?

— Время. Оно дает бесспорную вечность тому или иному художнику. Например, Левитану, Нестерову. А вот музеев этих замечательных мастеров, признанных классиков отечественного искусства, несмотря на просьбы общественности, в Москве почему-то нет.

Браговский Эдуард 6.7.2000.

Души изменчивой приметы переносить на полотно

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Истинная живопись — это не привилегия какого-то одного направления в искусстве, какой-то одной школы. Вот, например, абстракционистка двадцатых годов Любовь Попова какой это великолепный, замечательный живописец! Живопись — это дар божий. В этом отношении нам нечему учиться у Запада. Это признавали и великие европейские художники. Матисс, когда приехал в Россию, был потрясен красотой наших икон. Жаль, что он не увидел росписи Дионисия в Ферапонтовом монастыре. А в Третьяковской галерее сантиметр за сантиметром осматрел “Боярыню Морозову” Сурикова, дивясь и восторгаясь гениальной живописью.

К слову, мы как-то тускло, бледно отметили недавний юбилей великого мастера. А ведь Суриков — явление общенациональное, которое могло бы объединить все художественные силы страны. Вообще в последнее время мы становимся забывчивыми, безразличными, неблагодарными по отношению к великим соотечественникам.

— Ваша живопись в прежние годы подвергалась резким нападкам...

— Да. Ее сильно ругали, а меня считали “леваком”. Говорили, что и река у меня похожа на мазут, и небо таким синим не бывает, и снег не так лежит, и земля почему-то розовая, а не черная. И то не так, и это не так... Ну откуда земле быть черной, если у меня в Калужской области сплошные глины! Но сейчас, похоже, признали мое письмо...

— Государственная премия — это, конечно, праздник для вас, для всего отечественного искусства. Но праздник, как известно, быстро проходит — и вновь наступают будни со своими проблемами...

— И тяжелыми, и трудноразрешимыми. Прежде всего потому, что художники брошены государством на произвол судьбы. Оказывается, мы ему не нужны. Живется нам трудно. Мещанство, дилетантизм, пошлость захлестнули наше искусство, происходит его девальвация. Ну посмотрите, что показывают по телевизору: где находят таких плохих художников? Убожество какое-то!

— Ну почему же только они! Часто выступают Глазунов, Шилов...

— И часами говорят только о себе, о том, какие они великие. Хвалятся тем, что на их выставки стоят очереди. Ну и что? А вот на выставки Сезанна или Рембрандта, которые проходили в наших музеях, очереди на было. Выходит, что Глазунов или Шилов лучше их?

— Могу добавить, что совершенно пустуют залы Третьяковской

Слева: “На Волхове”. 1969 г.

галереи на Крымском валу, где представлены лучшие произведения самых знаменитых наших художников 10—30 годов.

— Кстати, об этих великих мастерах очень редко говорят по телевизору. Да и сейчас сколько у нас отличных художников, которым не дают высказаться и которым есть что сказать об искусстве. Вспоминаю, что какое-то время назад прекрасный живописец, ныне покойный, Николай Андронов, причем в те годы опальный за то, что подписывал разные недозволенные письма, спокойно, умно и доходчиво рассказывал о Третьяковской галерее, о законных живописи, о том, как надо ее понимать. Но такие, как Андронов, сейчас почему-то по телевизору не выступают.

— Вот вы упомянули о Шилове. Скажите, зачем ему дали целый особняк в центре Москвы под собственный музей? Во Франции я побывал в музее Матисса, который устроила в мастерской художника его семья. Это — хорошо, похвально. Но зачем государству тратиться на создание музеев ныне живущих и далеко не лучших художников? Зачем потакать чьим-то неразборчивым вкусам?

— Но кто определит, хороший это художник или не очень?

— Время. Оно дает бесспорную вечность тому или иному художнику. Например, Левитану, Нестерову. А вот музеев этих замечательных мастеров, признанных классиков отечественного искусства, несмотря на просьбы общественности, в Москве почему-то нет.

— Кто же ныне вершит судьбы искусства?

— Деньги, рынок. Продаются картины — значит, хороший художник, не продаются — никуда не годный. По этой рыночной логике выходит, что лучшие художники находятся на рынке, что устроен на Крымской набережной, за ЦДХ. Но разве можно назвать то, что там продается, высоким искусством? Нет же! Прекрасные же художники, которыми может гордиться наша страна, просят у руководства союза оказать им материальную помощь, хотя бы в размере 100—200 рублей. Это же вопиющая несправедливость! Правда, вспоминаю, что у Ван Гога или Сезанна при жизни не купили ни одной картины. Выходит, что они плохие, что ли?

— Кстати, у вас покупают картины?

— Если в год одну купят, это уже хорошо...

— А музеи?

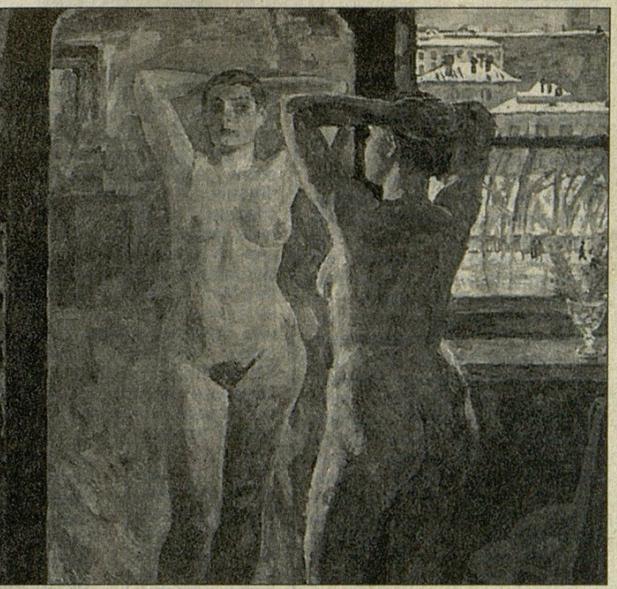
— Хотели бы, но у них нет денег. Нет денег и у Министерства культуры.

— Но вы, как я знаю, несмотря ни на что, работаете постоянно, каждодневно.

— Конечно. Недавно побывал в Переславле-Залесском, написал несколько картин. Привез в Москву, выставил холсты в рамы. Посмотрел — и так расстроился! Оказывается, они лучше всех мною прежде исполненных.

— Зачем же расстраиваться — радоваться надо!

— Чему радоваться? Тому, что

Справа: “Перед зеркалом”. 1981 г.

сделанное раньше уже меня не устраивает?

— Недавно на Кузнецком мосту состоялась ваша персональная выставка, приуроченная к вашему 75-летию. Она, по моему глубокому убеждению, наглядно свидетельствует о том, что огорчаться вам, право, грешно. Ваши работы вошли и в новую постоянную экспозицию Третьяковской галереи “Искусство XX века”.

— Да, вошли. Но они написаны в шестидесятых годах. Как будто я больше ничего не сделал! Но я по сей день работаю, и нынешние мои картины лучше прежних, написанных в шестидесятые. Однако их в экспозиции нет, все остальное мое творчество выброшено. Устроители экспозиции поступили так не только со мной. Почему, например, Иван Сорокин или Альберт Папикян представлены каждый лишь одной небольшой работой? Творчество этих замечательных художников эти холсты никак не отражают. Или вот у Александра Герасимова, неплохого живописца, взяты слабые, халтурные картины о вождях и генералах, картины, к искусству никакого отношения не имеющие. Но зато они якобы отражают время! Спрашивается, а что отражает сегодняшнее время? Одно инсталляции?

— Третьяковская галерея — это главная наша национальная сокровищница искусства, а не исторический музей в картинках, которые призваны воссоздавать какие-то периоды развития страны. Никто, наверное, не будет спрашивать, какое время отражают Веласкес, Гойя, Ти-

циан или Павел Кузнецов, Кончаловский. Восхищаются ими не потому, что они соответствуют каким-то годам, а потому, что это великое, вечное искусство.

— Вы окончили Суриковский институт. Ваше мнение о сегодняшней подготовке художников?

— По-моему, резко снизился уровень профессионального обучения. И это в большей степени зависит от профессиональной подготовки самих преподавателей. Напомним, что когда-то институт возглавляли такие авторитетные мастера, как академик Грабарь, Сергей Герасимов, даже Модоров. Они высоко держали планку профессионального обучения, не позволяли ей опуститься. И преподавали опытные, известные, признанные художники. Да и студенты были фанатично преданы живописи. Всего добивались талантом и упорным трудом. Сейчас в институте учатся порою для того, чтобы хорошо зарабатывать, о чем раньше не принято было даже говорить — за смеялись бы. Изменились, по-моему, духовно-нравственные принципы профессионального образования.

— Ваши ближайшие планы?

— Очень хочу уехать в любимую Тарусу и писать, писать... Но приходится как члену выставкома заниматься организацией выставки “Москва — Петербург”. Она уже в июле состоится в Петербурге, а осенью — в Москве, в Большом Манеже. Это будет знаменательное событие.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН